

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ИСКУССТВО ЦВЕТУЩЕЙ АРМЕНИИ

Сегодня начинается декада армянского искусства в Москве. Лучшие художники и артисты цветущей республики покажут трудящимся нашей столицы, руководителем партии и правительства, великому вождю и другу народов, родному Сталину свои блестящие победы, свидетельствующие о возрождении и расцвете культуры армянского народа.

Судьба армянского народа, его прошлое и настоящее — наглядный пример того, как возрожденный волею большевиков, призванный заново к жизни народ, или по пути, указанному Лениным и Сталиным, может совершить полные чудеса.

Культура, как и история армянского народа, насчитывает тысячелетия. Его замечательное искусство занимало видное место в культуре античного и древнего мира. Однако, подверженная бесконечным нашествиям и разгромам, Армения веками была ареной неисчислимых бедствий и трагедий. Кровавые полчища завоевателей оплотнели и мечом покоряли страну, превращая ее в пепелище и развалины. Но палачи и насильники не удалось уничтожить свободолобивый дух народа, его волю к победе, его творческие силы. И в мрачные годы поражений и в славные годы побед армянский народ неустанно сохранял свою самобытность и культуру, свое национальное достоинство, своей неустранимой, свободолобивый дух.

В наибольшем упадке культура и искусство армянского народа были в дни кровавого разгрома дашнакской власти. Трехлетнее господство в Армении этих продажных псов империализма привело страну к полному опустошению.

Грабительская политика империализма и лавская угодливость дашнаков, полное идейное убожество буржуазных националистов за три года довели страну до такого упадка, в каком она не была даже в самую тяжелую пору своей истории. «Только идея советской власти принесла Армении мир и возможность национально-обновления» (Сталин), только с установлением советской власти армянский народ получил возможность залечить свои вековые раны, построить свою новую, счастливую жизнь, возродить свою древнюю культуру.

Ленинско-сталинская национальная политика открыла перед армянским народом все дороги, открыла и подняла его к вершинам свободной творческой жизни.

Партия большевиков, советское государство создала все условия для нового расцвета армянской культуры. Всем певцам радуги сверкает сегодня новое социалистическое искусство Армении.

Народная музыка Армении отражает все богатство духовной жизни армянского народа. Многообразна эта музыка. Песни военные и похвалы, лирические и эпические, песни труда и любви, произведения талантливых композиторов-классиков — Х. Карагура, Комитаса, Р. Меликяна, С. Меликяна, А. Спендиарова и работы советских композиторов — Аро Степаняна, А. Тиграняна, А. Хачатуряна и других — вот богатства, которыми Советская Армения вправе гордиться. Организационное советской властью впервые в Армении Театр оперы и балета. Государственная консерватория, музыкальные училища, государственные оркестры и ансамбли создали ос-

нову для величайшего расцвета музыки. Армянская опера, создавая свои арии, мелодии, пляски, широко пользуется народной армянской песней, музыкальным фольклором, что придает ей особую прелесть.

Не менее богата и разнообразна живопись армянского народа. Выставка армянской живописи, организованная сейчас в Москве, демонстрирует замечательные образцы армянской миниатюры и фресковой живописи. Современный раздел выставки показывает, что художники Советской Армении являются достойными продолжателями великих традиций своих генеральных предков.

Армянская литература — одна из самых древних и богатых литератур мира. До нас дошли фрагменты песен знаменитых гусанов-рапсодов Армении еще до христианских времен. Эти песни пережили тысячелетия, не потеряв своей чарующей красоты. Устная литература Армении знает такое замечательное произведение эпической литературы, как знаменитый эпос «Давид Сасунский», тысячелетие которого недавно праздновали все народы Советского Союза и который благодаря великой заботе партии большевиков ныне пошел в сокровищницу мировой культуры как один из его ценнейших вкладов.

«Народная армянская поэзия», — писал В. Я. Брюсов, — принадлежит к числу наиболее замечательных среди всех, какие мне известны; немощные народы могут гордиться, что их народные песни достигают такого же художественного уровня, как изысканно-прекрасные, так оригинально-самобытные, при всей их непоэтической простоте и безыскусственной откровенности.

«Средневековая армянская лирика есть одна из замечательнейших побед человеческого духа, какие только знает летопись всего мира».

Такие величайшие поэты Армении, как Нарекати, Кучак, Фрик, Наган Ованян, Саат-Нова, Туманян, гениальными своим творчеством покрыли неувядаемой славой армянскую поэзию.

Воспитанная на традициях вековой литературы, оплодотворенная великими народными идеями Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, бурно расцвела литература Советской Армении. Искусство армянского народа расцвело вопреки буржуазным националистам, трокистско-дашнакским выродкам, всецель старавшимся заткнуть армянскую культуру в болото национализма, искусственно задержать ее бурный рост. Армянский народ под руководством большевиков разгромил гнезда врагов народа, и на очищенной земле еще более пышно расцвело искусство освобожденного народа, национальное по форме и социалистическое по содержанию.

Армянский народ пришел к своим величайшим победам под руководством великой партии Ленина—Сталина, при повелительной братской помощи великого русского народа, в тесной семье народов СССР.

Декада армянского искусства в Москве является не только великим праздником армянской культуры, но также праздником всей советской культуры.

К ДЕКАДЕ АРМЯНСКОГО ИСКУССТВА В МОСКВЕ. 15 октября в помещении Государственного ордена Ленина академического Большого театра Союза ССР состоялся общественный просмотр оперы «Алмас» в постановке Армянского Государственного театра оперы и балета имени А. А. Спендиарова. На снимке: заключительная сцена оперы.

Зия БАГИШ

ПОЭТ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

Конец темной ночи

Белосток — красный!

Красный цвет, освещенный кровью тысяч революционеров и борцов за свободу. Красный цвет, во имя которого шли на виселицу с гордо поднятыми головами прекраснейшие сыны человечества, жертвуя своей жизнью за торжество рабочего дела.

Красный цвет, за который в «свободной» Польше до самого последнего времени преследовали и зверски истязали всех тех, кто признавал его.

Наконец пришло освобождение. Оно пришло в самую крайнюю, самую тяжелую минуту, когда горизонт польского неба заволокло мрачайшими тучами, когда окружающая атмосфера была настолько накалена, что грозила задушить последние остатки молодежи Польши, жаждущей свободы.

Большинство молодежи замучено и искалечено побоями в польских застенках и истекло кровью на полях сражений, куда безответственные пань-магнаты из бесталанной и авантюристской польской дипломатии погнало ее на верную гибель, сражаться за «свободную и самостоятельную Польшу». За Польшу, которая грубейшим образом издевалась над этой молодежью, порабощала ее, кровавыми сапогами втоптывала в грязь каждый кусочек мужественной добытой свободы. И вот настал день освобождения!

22 года мы ожидали этот великий исторический час. 22 года мы изнывали под игом польской шляхты и делали мечту о том, что мы когда-нибудь соединимся с нашими счастливыми братьями «на той стороне» — на освобожденной и рабочей кровью освещенной русской земле.

И вот это свершилось. Победоносная героическая Красная Армия вступила на порабощенную землю Западной Белоруссии и Западной Украины и освободила ее. Земля, пропитавшаяся в течение этих 22 лет потом и кровью лучших сынов народа, отдавших свою жизнь в освободительной борьбе за родину, эта земля, наконец, свободна!

Слонами штыки, на которые опиралась власть шляхты. Государство, построенное на лжи и погубке, на порабощении и несправедливости, пало!

Свободен трудящийся народ, изнывавший свыше двух десятилетий в польских казематах.

Свободны плодородные нивы Белоруссии, готовые к новой жатве.

Мы свободны!

Перед юбилеем Чернышевского

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). В Ленинградском государственном университете развернулось подготовка к 50-летию со дня смерти Н. Г. Чернышевского. Как известно, Н. Г. Чернышевский учился в Петербургском университете в 1854 г., защитил здесь диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности».

29 октября в конференц-зале ЛГУ состоится торжественное заседание. Вступительное слово сделает ректор университета т. Злотухин. С докладами выступят: проф. М. Серебряков («Классики марксизма-ленинизма о Чернышевском»), член-корреспондент Академии наук СССР И. Писанов («Университетский диспут Чернышевского как общественное событие») и директор университетской библиотеки им.

Радость, благодарность и энтузиазм, с которыми рабочие и крестьяне порабощенных областей встретили своих освободителей — победоносную Красную Армию, неисчислимы. Я сам видел, как старый белорусский крестьянин заплакал при виде первого советского танка, въехавшего в город. Когда красноармеец подал ему руку в знак приветствия, он ее схватил и поднес к губам. И вдруг ко всеобщему удивлению старый крестьянин перекрестился и грохнулся на колени, прижав лицом к земле. Раздался звук почета, который вызвал слезы у всех присутствовавших. Но когда «хлоп» пошла с земли и, едва шевеля губами, прошептал:

— Мать... тогда даже в глазах испытанного и видавшего виды красноармейца блеснула искра, похолола на слезу, и среди торжественной тишины послышалось восклицание, зажегшее воодушевлением сердца всех.

«Хлоп» цвелою свою освобожденную землю, а его освободитель — красноармеец плакал от счастья.

Великая историческая минута! Радость освобождения!

Я ее видел, эту радость, на грубых руках молодых белорусских крестьянок, бросающих яблоки и цветы в красноармейские автомашины и танки.

И видел сияющие, радостные лица, дышавшие уверенностью в том, что 22-летняя мечта стала, наконец, действительностью. И вот наступил конец, конец порабощению, конец долгой темной ночи, которая, подобно лютому хищному зверю, держала их в своих кровавых когтях.

Каждая складка, каждая морщина на коже, покрывавшая их исхудалые, измученные лица, как бы кричала радостью:

— Мы свободны!

Мы свободны и никогда больше мы не дадим поработить себя и отдать у нас нашу свободу! Никогда больше не поднимет рука, готовая заковать в цепи нашу непокоримую мощную волю к свободе, справедливости и счастью!

Из их сияющих глаз глядела глубокая безразличная благодарность к тем, которые им эту свободу принесли.

Из глубины их сердец вырывались воодушевленные крики:

— Да здравствует героическая, победоносная Красная Армия!

— Да здравствует Советский Союз!

— Да здравствует вождь и друг всех угнетенных товарищ Сталин!

г. Белосток, Западная Белоруссия.

ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ТУРЦИИ г. ШЮКРЮ САРАДЖОГЛУ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВНАРКОМА И НАРКОМУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР тов. В. М. МОЛОТОВУ

Г-ну В. МОЛОТОВУ, Председателю Совета Народных Комиссаров и Народному Комиссару Иностранных Дел, Москва.

В момент, когда я покинул территорию Советского Союза, я хочу выразить мою горячую благодарность за теплый прием и гостеприимство, которые я встретил со стороны советских руководителей и властей. Оказанные мне знаки дружественного внимания дают мне повод еще раз констатировать сердечность и взаимное доверие,

ШЮКРЮ САРАДЖОГЛУ

ТЕЛЕГРАММА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВНАРКОМА И НАРКОМИДЕЛА СССР тов. В. М. МОЛОТОВА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ТУРЦИИ г. ШЮКРЮ САРАДЖОГЛУ

Министру Иностранных Дел Турции господину ШЮКРЮ САРАДЖОГЛУ. Анкара.

Весьма признателен Вам за Ваши теплые приветственные слова и выраженные Вами чувства.

Я также рад констатировать, что обмен мнений, происходивший в Москве, вновь подтвердил существующие дружественные отношения между Советским Союзом и Турцией.

Прошу принять, господин Министр, уверения в моих дружеских и теплых чувствах.

МОЛОТОВ

Сообщение ТАСС

О ратификации Президиумом Верховного Совета СССР германо-советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией и дополнительного протокола к нему.

19 октября Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал германо-советский Договор о дружбе и границе между СССР и Германией, заключенный в Москве 28 сентября с. г., и дополнительный протокол к упомянутому Договору, подписанный в Москве 4 октября с. г., с предложенными к Договору и Протоколу картами.

ПОСЛАНЕЦ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Писатель Филипп Пестрак — кандидат в депутаты Народного Собрания Западной Белоруссии (Письмо из Гродно)

Всем доступными средствами, не останавливаясь перед самыми зверскими методами, нынешние правители польской Польши стремились уничтожить культуру белорусского народа, его поэтов и писателей. Но певцы белорусского народа продолжали творить, преодолевая все преграды.

Одним из талантливых поэтов Западной Белоруссии является Филипп Пестрак. Его страстные стихи, полные любви к роду, призыва к борьбе с помещичье-капиталистическим игом, вызвали звериную ненависть к нему польских панов. Всяческими преследованиями шляхтичи пытались заставить замолчать Ф. Пестрака — певца борьбы и свободы. Но поэт неустанно создавал все новые и новые пламенные поэтические произведения, к которым, несмотря на все цензурные преграды, внимательно прислушивались широкие массы угнетенных. Тогда польское правительство бросило поэта в тюрьму, в мрачный застенек на 11 лет. Его избивали, обливали холодной водой, и когда он приходил в себя, на нем слова издевались...

По никаким, даже самым жестоким пыткам не сломил Филипп Пестрака. Его лишили карандаша и бумаги, но он продолжал складывать стихи и читал их своим товарищам по заключению, вселяя в них доброту и веру в светлое будущее народа, за счастье которого они боролись и томилась.

Свободу принесла из страны социализма Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Раскрытые двери тюрьмы, и поз-мученических польских палачей ступил на освобожденную землю своего народа.

Несмотря на многочисленные изгнания в тюрьме, Филипп Пестрак полон энтузиазма и энергии, которые дают ему сознание и вера в посмертную силу народной и стремление к новой и светлой жизни, ставшей реальной.

Независим к польским панам и капиталистам — угнетателям белорусского народа, годами зрелая в душе поэта, пришла выход в большой и сознательной работе, в которую Ф. Пестрак включился сейчас же после того, как покинул тюрьму.

Не забывая любимую поэзию, Пестрак энергично и неустанно работает в Рабочей гвардии, охраняя новый порядок, новую жизнь от всех посягательств врагов.

Народ любит своего поэта и верит в него. Наряду с общим собранием интеллигенции Ф. Гродно единогласно выдвинуло Ф. Пестрака кандидатом в депутаты Народного (национального) собрания Западной Белоруссии.

Народ не сомневается, что певец его горя и счастья сумеет выразить его чувства, мысли и стремления к свободной и счастливой жизни.

С. ШВЕЙДЕЛЬ, г. Гродно.

В ЛЕНИНГРАДСКОМ СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В «Литературной газете» от 10 октября уже сообщалось о результатах работы комиссии, выделенной ленинградским отделением союза советских писателей для приема литературного наследия Александра Блока в связи со смертью жены поэта Л. Д. Блок. На днях правление ЛенССП обсудило сообщение председателя комиссии В. П. Орлова и приняло решение о дальнейшей судьбе архивного собрания и других мемориальных материалов, учтенных комиссией союза писателей.

Ввиду того, что жизнь и творчество Александра Блока связаны с Петербургом-Петроградом и учтя пожелание, высказанное незадолго до смерти Л. Д. Блок, правление ЛенССП считает необходимым передать рукописные собрания и материалы семейного архива Блока в Ленинградский институт литературы Академии наук СССР.

В доме 57 по ул. Декабристов предполагается создать филиал музея Института литературы — «Последняя квартира Александра Блока». Здесь намечено сосредоточить личную библиотеку поэта, в которой собраны все прижитые издания Блока и множество книг с дарственными надписями его современников, предметы из домашнего обихода Александра Блока и другие вещи музейного значения. На фасаде дома будет установлена мемориальная доска.

Правление ЛенССП признало нужным приступить к научному описанию архивов и библиотек Блока, а также к изданию собрания неопубликованных материалов. Подготовка собрания поручена: В. П. Орлову, проф. В. В. Гиппиусу и В. А. Роддественскому. Правление считает желательным и издание книги мемуаров Л. Д. Блок «Были и были быты у Александра Блока». Интересные театральные коллекции Л. Д. Блок решено передать в Театральную музей и театральную библиотеку им. А. В. Луначарского.

На том же заседании В. Каверин сделал интересную информацию о работе юбилейного пленума правления союза со-

ветских писателей, посвященного 1000-летию армянского эпоса «Давид Сасунский».

В Каверин изложил основные тезисы многих докладов на пленуме, рассказал о юбилейных торжествах, вышедших в необычайно яркий всенародный праздник армянского народа. Пленум, указав В. Каверин, сыграл большую роль для дальнейшего укрепления творческой дружбы писателей братских республик, сехавшихся в прекрасную столицу Армянской ССР. Напомним, что работа юбилейного пленума проходила в исторические дни, когда Красная Армия перешла границы бывшей Польши, неся освобождение народам Западной Украины и Западной Белоруссии. В Каверин говорит о величайшем энтузиазме, охватившем писателей Советской страны — делегатов пленума, когда они узнали о благородном решении правительства СССР.

Правление ЛенССП решило провести в Доме писателя им. Маяковского вечер, посвященный итогам юбилейного пленума и декаде армянского искусства, начинающейся в Москве.

Выделенный ленинградским союзом редакционный совет Ленослитиздата работает плохо. Как доложила правлению М. Слонимский, издательство свой редакционный совет собирает крайне редко. В разработке издательских планов на 1940 год почему-то был привлечен только один (1) член редакционного совета...

Сообщение т. Слонимского вызвало оживленный обмен мнениями. Большинство участников заседания согласилось с А. Прокофьевым, с основанием заявившим, что Ленослитиздат, как свидетельствует положение дел, не заинтересован в работе писательского редакционного совета.

Правление поручило А. Дамшину и Н. Чуковский палатить работу редакционного совета Ленослитиздата с тем, чтобы писательская общественность приняла активное участие в составлении тематического плана издательства.

Правление ЛенССП выдвинуло комиссию для проведения 50-летия со дня смерти П. Г. Чернышевского. В комиссию вошли: В. Бодяковский, А. Слонимский и Н. Пылин (шлеминник Чернышевского).

Торжественное заседание памяти М. Ю. Лермонтова

В празднично убранном, переполненном Большом зале Дома союзов состоялось 15 октября торжественное заседание, посвященное 125-летию со дня рождения великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. От имени союза советских писателей и Академии наук СССР вечер открыл поэт Николай Асеев.

С обстоятельным докладом на тему «Лермонтов и революция» выступил профессор В. Я. Кирпичин.

В заключение поэты Вера Инбер и М. Матусовский читали стихи Лермонтова, Д. Алтауев, А. Жаров и С. Островой прочли свои стихи, посвященные памяти великого поэта русского народа.

Вечер закончился большим концертом.

Речь

Н. Н. Асеева

Если Пушкина называют величайшим светлым русским поэтом, под яркими живыми лучами которого расцвела и созрела вся позднейшая русская литература, то появление Лермонтова можно сравнить с взрывом молнии, полосушей от края до края горизонт тяжело клубящихся туч, затемнивших пушкинское солнце. Именно через Лермонтова насыщена наша деревенско-попсовая поэзия грозными электрическими токами, ощущением неблагополучия, несправедливости, несвободы, противостоять которым было лучшей традицией нашей литературы. Молнийность, ослепительность поэтического горения характера и краткость творческой судьбы Лермонтова. Но как немеркнущие запечатлелись этот фосфорический блеск, этот немощный след разлада, озаривший низкое небо тогдашней царской России, влившись вековой ненавистью к презренным потомкам «известной подлостью прославленных отцов», отрянувший многократным эхом, эхом кавказских высот и навсегда оставивший следы в умах и сердцах благоговейно чтущих его иных поколений.

Бессмысленно и беспечно сравнивать и примерять силы одного поэта к силе другого. Они не борются друг с другом, а дополняют друг друга. И не полна была бы светлая глубина жизни пушкинских вод без горькой и гневной терпкости Лермонтова. В народной сказке богатырь оживает под действием сначала мертвой, а потом живой воды. Но мертвая вода отнятия, презрительного отношения к порокам и уродствам общества вовсе не предвещает отнятия самой жизни, ее яркости и радости. Разрушенные члены богатырского тела соединяются, становятся на места, сростаются именно там, где им быть надлежит, отрянувшие богатыри пререпиет и насмешкой. И разрушенные, разобщенные части общественного организма сростаются и соединяются под влиянием бичующей и холодеющей реалистической правды искусства, потом, уже являясь в единстве, находят свои природные места, одухотворяются живой волей оптимизма. В самом деле, как могли существовать в одно и то же время, в недрах одного и того же общества эти два величайших дарования, из которых одно целиком направлено на утверждение жизни, веры в нее, неперсепаемости ее сил, на провокационное приветие будущему?

Здравствуй, племя, малое, незнакомое! а другое — все в сомнениях и отрицании, отказывающее этому будущему в свете и в жизни!

Печально и гложу на наше поколение! Его грядущее — или пусто, или темно... Если обойтись без грубых социологических натяжек, то на первый, поверхностный взгляд совершенно необъясним этот резкий контраст, эта разница самых основ мировоззрений, так близко соприкасавшихся во времени. Обычным является мнение, что сарказм и скептицизм Лермонтова стояли в зависимости от его повышенного самолюбия, легко раняемого душевного склада, от обстоятельств его воспитания

и, наконец, от литературного влияния Байрона. В этом есть доля правды, но доля настолько небольшая, что она не может иметь решающего значения в творчестве Лермонтова. Разве Пушкин был менее самолюбив, разве его положение в тогдашнем светском обществе было менее шекотливо, чем положение Лермонтова, и, наконец, разве «Чайльд-Гарольд» и «Абдосская повесть» оказали меньше впечатление на Пушкина, чем на Лермонтова?

Но какая-то резкая черта в выборе средств проявления себя разделила их характеры. Оба они, эти характеры, глубоко народны. Но типичность их, их цельность внешне представляют разительный контраст.

Когда один человек говорит: «все уладится, все в конце концов образуется», прича за оптимизмом свою тревогу, другой, обладающий иным характером, при тех же обстоятельствах, утверждает: «сперверим, трудновато, но ошибиться бы, — втайне надеясь на исполнение желаемого, но боясь показаться смешным, остроумно-любопытство. Пушкин утверждал, сомневаясь Лермонтов сомневался, надеясь, но не пугая жизни, страстная приверженность к ней, сила ее ощущения не уступали у одного другому. Когда Лермонтов говорит, что он ничего не ждет от жизни, что ему не жаль прошлого, что он хотел бы забиться и заснуть, — то это вовсе не отказ от жизни, от участия в ней. Это только желание утихнуть, затихнуть боль и трудность ее освоения, ее неслаского прикосновения. Да, он хотел бы забиться и заснуть!

Но не тем холодным спом могилы, И желал навеки так заснуть, Чтоб в груди дремали жизни силы, Чтоб дыша вздымалась тихо грудь... Величайший поэт начала века — Виктор Владимирович Лебунин с огневой силой горя и гнева бросил в лицо презрительному обществу слова обвинения в безучастии к судьбе своих поэтов:

«Пушкин и Лермонтов застрелены вами, как бешеные собаки, за городом, в поле».

Да, бешенство темперамента, было ли оно горячим или холодным бешенством,

всегда расценивалось современниками как нарушение их покоя, их порядка, их норм поведения, среднего, желательного им человеческого стандарта. Отступление от этих норм всегда вызывало раздражение в обществе, а последующим изгнанием из его организма беспоконного начала.

Пушкин взволновал и раскрепостил умы, своего и десятков последующих поколений жадной знания, жадной широты и свободы, вкусом к цвету и трепету жизни. Лермонтов порази воображение своего и десятков иных поколений величественным зрелищем заката в теснинах времени и взорванного их человеческого достоинства. Двадцатипятилетним юношей заслу он, пораженный свищовой летаргией своего времени.

«Но не тем холодным спом могилы, который изрека напоминает об обязанностях поэтов».

Снова и снова возникает в движении его облик по строкам поэтов. Не к обиду, но по расписанному сроку является он к нам.

К нам Лермонтов сходит, прервав времена.

Да, Лермонтов, сказав свое время, приходит, пробудившись от смертного сна, в самые острые мгновения нашей жизни, оставляя незгладимый след в задушевных строках своих поэтов.

Вот он возникает у Александра Блока:

...В томлении своем иступленным Тоска небывалой весны Торит мне лучом отдаленным И тает в песней зурны.

На дымящие горы Принес я не луч и не звук — Усталые губы и взоры И плети изломанных рук.

И в горном заклатном пожаре, В разливах синеволных крыл, С тобою, с мечтой о Тамаре, Я, горный, навеки без сил...

И снится — в далеком ауле, У склона бессмертной горы, Тоскливо к нам в небо плеснули Ненужные складки чадры...

Там стелется в пляске и плячет, Шлы вьется, и стонет зурна... Пусть скачет жених — не доскачет! Чеченская пуля верна.

Вот он у Пастернака:

Приходи по ночам В синеве лодки от Тамары, Парой крыл намечал, Где гулеть, где кончатся кошмару.

Не рыдал, не слезал Отогленных, истлестанных, в ширах... Утледела плита За оградой грузинского храма.

Как гобурия дурна, Под рещетом тень не кривилась. У лампады зурна, Чуть дыша, о княжне не справилась.

И, наконец, у Маяковского:

К нам Лермонтов сходит, прервав времена. Сияет — «Счастливая парочка!». Люблю я гостей — Бутылку вина! Налей гусару, Тамарочка!

И эта память о «гусаре» возникает у Маяковского не однажды, не только при таких легкомысленных обстоятельствах, хотя легкомыслие их только кажущееся. В «Про это», в этой самой обаяющей лирической поэме Маяковского, в одном из напряженнейших ее мест, мы вновь встречаемся с этим же образом:

И так я калека в любовном боленя, Для ваших оставте помож ушат. Я вам не мешаю, К чему оскорбленья! Я только стих, Я только душа.

А снизу: Нет! Ты враг наш столетний. Один уж такой попался — гусар!

Понохал порох, свинец шестолетний... Рубаху в распахну! Не праздную труса!

Так в самые важные моменты жизни нашей поэзии, в самые сродноточенные минуты осмысливания этой жизни самими поэтами, в самые заветные помыслы наших созвучий, как пол свой кров, в своих поздних рождках, — входит старший богатырь русской поэзии Михаил Юрьевич Лермонтов.

Речь

А. Н. Толстого

Отмечаю 125-летнюю дату со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова, мы тем самым отмечаем начало нашего первого великого русского поэта с тем, что было его творчеством занято на протяжении соответствующего места в нашей литературе.

В русской критике до революции прочно укоренился взгляд на творчество Лермонтова как на творчество подражательное, как на некое эхо великих звучаний западноевропейской литературы. Для персоналий и образов лермонтовской поэзии и прозы типично разрабатывались прототипы из английской и французской словесности. Герои Лермонтова трактовались как блестящие копии с великих западных произведений.

Такое отношение к Лермонтову исходило от общего, укрупненного пребрелительного и высокомерного отношения русской буржуазной критики к своеобразной культуре русского народа, к той национальной культуре, которая — неогласованно всех наших врагов и в удивлении всех ласкаемых мыслящих — оказалась выключенной плодородной почвой для того, чтобы в два десятилетия взрастить социалистическое общество и возвести нашу страну на первое место в мире. А нашей культуре и надлежит быть первой, ведущей источник великих идей и новых моральных ценностей, примером героизма, великодушия и размаха, того творческого размаха, с которым наш народ совершил революцию.

Только один Великий из всей русской критики — это было еще при жизни Лермонтова — угадал его великий талант.

Жизнь Лермонтова в самом начале, в весне его творчества была встречена пулей, направленной врагами, из которых злейший был — император Николай I.

Лермонтов начал свою творческую жизнь с неприязни ко всей российской системе рабства и самодержавного угнетения человеческой свободы. В 1833—34 года, тогда еще ученик юнкерской школы, он начал писать исторический роман «Вадим». Тема «Вадима» — это бунт, воплощенный в образе пугачевского восстания. Герой этого неоконченного юнкерского романа — угрюмый горбун, мститель, бунтарь. Так Лермонтов первый, еще до Пушкина, поднимает в русской литературе тему крестьянского восстания. Восстание декабристов и июльская революция 30-го года во Франции находят в шестнадцатилетнем Лермонтове гневный отклик, — это происходит до «Капитанской дочки», до «Дубровского» и до «Собора Парижской богородицы» Виктора Гюго.

Горбун Вадим — это еще скрытый в самом себе, еще только намеченный, еще детский абрис лермонтовского гения... Когда начинаю сравнивать лермонтовского «Вадима» и пушкинского «Дубровского» и говорить о совпадении темы и даже деталей, то это обозначает лишь, что оба героя русской литературы одинаково чувствовали и одинаково творчески переживали социальную тематику эпохи.

Лермонтов не окончил «Вадима», — очевидно, видя сам юношеские недостатки этой повести.

В 1836 году он пишет роман «Княгиня Лиговская» из петербургской жизни, где также первым в русской литературе ставит новую для того времени тему человеческого достоинства. Герой его — обыкновенный человек, чиновник, уязвленный и гордый, тот самый оскорбленный человек, кто спустя несколько лет просякнется боком, смешной и страшной, но бессмертной странной Гоголя, кто впоследствии поднимается во весь рост как основной герой Достоевского.

Роман этот Лермонтов также не закончил по той же причине, что сама природа лермонтовского творчества тотально искала иной обстановки, не петербургской с ее контрастами рабочей занятости и блеска пустого света. Обстановку, где герой его широко расправляет крылья, он находит на Кавказе, куда его слышит Николай I за стихотворение «На смерть Пушкина».

Вернувшись из первой ссылки с Кавказа, Лермонтов в 1838—39 годах пишет роман «Герой нашего времени».

Упоминание в моем слове Лермонтова-прозаика, не касаясь Лермонтова-поэта, потому что, отдавая все должное Лермонтову-поэту, его прозрачному, совершенному стиху, как бы вырванному на мели, более холодно, чем стих Пушкина, но не менее совершенному, — считаю, все же, что Лермонтов-прозаик — это чудо, это то, к чему мы сейчас, через сто лет, должны стремиться, должны изучать лермонтовскую прозу, должны воспринимать ее как истоки великой русской прозаической литературы.

Лермонтов в «Герое нашего времени», в пяти повестях: «Бала», «Максим Максимыч», «Тамарь», «Княжна Мери» и «Фаталист», связанных единым внутренним сюжетом — раскрытием образа Печорина, героя времени, продукта страшной эпохи, опустошенного, жестокого, ненужного человека, со скукой проходящего среди величественной природы и простых, прекрасных, чистых сердец людей, — Лермонтов в пяти этих повестях раскрывает перед нами совершенство реального, мудрого, высокого по стилю и восхитительно благоуханного искусства.

Читаешь и чувствуешь — здесь все — не больше и не меньше того, что нужно и как можно сказать. Это глубоко и холодно. Эту прозу мог создать только русский язык, вызванный гением к высшему творчеству. Из этой прозы — и Тургенев и Гончаров, и Достоевский, и Лев Толстой, и Чехов. Вся великая река русского романа растекается из этого прозрачного источника, зачатого на снежных вершинах Кавказа.

В 1841 году, нездолго до своей второй роковой поездки на Кавказ, Лермонтов прочел друзьям начало задуманной им повести о художнике Лутине. Это поразительное произведение, известное под названием «Отрывок из пятой повести» или «Штосс». Это рассказ о художнике, теряющем рассудок. О чем другом, как не о творческом безумии, мог говорить Лермонтов в Петербурге в те годы. Повесть остается незаключенной. Лермонтов — снова на родине своей поэзии, на Кавказе. Но здесь его настает мнение тех, кого он ненавидел.

В день дуэли, поднимаясь верхом на Мануку, Лермонтов рассказал своему секунданту Глебову о том, что у него готов план двух исторических романов: один — из эпохи Отечественной войны (то есть, то, что впоследствии осуществил Лев Толстой), другой — из кавказской жизни времени Ермолова, о кровавом усмирении Кавказа, о персидской войне и катастрофе в Темерле, когда погиб Грибоедов. До этого в Петербурге Лермонтов рассказывал Великому о задуманной им исторической трилогии, причем первый роман должен был из времени Екатерины и французской революции.

Таковы были творческие планы Лермонтова. Они не осуществились, он не успел рассказать Глебову о своей трилогии. Из этого склона Манука его ждал Мартынов, и через несколько минут великий поэт русского народа упал с пробитым сердцем... Убийцы знали, что наказанию им не будет за эту смерть, что в Петербурге уже аллилуйю этому выстрелу.

Лермонтов не выполнил своих задач... Их выполняли мы, его ученики, строители новой жизни и нового человека...

«Индустрия социализма»

Як. РЫКАЧЕВ

Круг интересов советской интеллигенции весьма широк и охватывает все вопросы социалистического строительства и социалистической культуры, прошлое и будущее нашей страны, все вопросы мировой жизни и культуры; но в то же время каждый советский человек испытывает еще особое тяготение к вопросам, непосредственно связанным с его профессией, с избранным им родом деятельности.

Но профессиональный интерес не замыкается у нас в вопросах технических, как бы ни были они широки. Он распространяется также на весь строй мысли и чувства, связанных с данным видом и — особенно — родом деятельности. Вот почему советская индустриальная интеллигенция — металлургия, нефтяники, транспортники, насколько не отрываясь от общих интересов страны, проявляют особый острый интерес к той области художественной литературы, которая затрагивает вопросы социалистической индустрии. Это — естественное стремление к профессиональному самопознанию, в самом широком и глубоком значении слова. Чем шире данный род деятельности, чем больше значение имеет он в жизни страны и в создании нового общества, тем более оправдано требование людей данной профессии к работникам советской культуры, советского искусства — способствовать этому процессу профессионального самопознания.

Эти мысли приходят, когда знакомимся с комплектом молодого литературно-художественного журнала «Индустрия социализма», всматриваясь во все лишь девять месяцев существования. Конечно, это особый, хотя и весьма обширный, мир — социалистическая индустрия! Правда, здесь понятие профессии следует толковать весьма широко, — это скорее род деятельности, объединяющий множество профессий, но все же достаточно своеобразный, чтобы дать миллионам людей сознание и чувство особой общности, помимо той, какой они обладают как члены социалистического коллектива. Читая журнал, утверждаю читателя в этом мнении, и это одно является оправданием его существования и, более того, его победой. Советские широты и специфичности — предельная существования всякого «профессионального» журнала; правда, чем уже «профессиональнее», тем труднее задача. Социалистическая индустрия занимает в нашей жизни и в нашем сознании столь обширное место, что в создании журнала «Индустрия социализма» могли принять участие все наши — почти без исключения — мастера культуры: писатели, публицисты, художники, ученые. И надо сказать, что в той мере, в какой мастера культуры или настречу журналу, и даже в большей мере, журнал использовал свое благоприятное положение. Справедливость требует отметить, что советский писатель уделяет этому журналу, имеющему уже сейчас сотни тысяч читателей — лучших людей страны, далеко не достаточно внимания.

Я называю журнал «литературно-художественным», хотя в его подзаголовке этого определения не имеется; но все материалы журнала подбираются именно в соответствии с этим определением. Если не повесть или рассказ, то художественный очерк; даже статьи носят на себе явственный след «художественного мышления».

Значительное место уделяет журнал художественной литературе — рассказу, новости, отрывкам из эпоса. Здесь встречаются имена Алексея Толстого (отрывок из пьесы), Вересаева, Андрея Платонова, Зощенко, Вас. Гроссмана (отрывок из «Стопана Кольчугина»), Гумилевского, Бека,

его сознание призраками. Вот почему в капиталистическом обществе такое обилие страстных людей, нищих искалеченных, образ которых с потрясающей силой воплотил Чарльз Чаплин. Мечта социалистического человека, опирающаяся на реальность, питающаяся реальностью, дает перспективу, обостряет зрение, повышает энергию, рождает энтузиазм. В сущности говоря, 1930 год — всего лишь год пятой пятилетки! Хорошо бы привлечь к разработке темы индустриального будущего писателей, близко знакомых с сегодняшним днем нашей индустрии.

В этом кратком перечне я не исчерпал и десятой доли материала, помещенного в восьми номерах журнала, как в отношении количественном, так и тематическом и жанровом. Да я и не имею возможности это сделать: каждый номер журнала, расчитанный примерно на пять типографских листов, содержит около 12 листов авторского текста. Большое внимание уделяет редакция историческим очеркам — об индустриальном прошлом, о русских механиках прошлых веков; о замечательных русских инженерах и ученых — здесь особенно выделяются прекрасные — и порой глубокие — очерки Гумилевского о великом русском ученом Н. Е. Жуковском и химике Бутлерове. Отличается журнал также на все сколько-нибудь заметные явления советской общественной и государственной жизни, на литературные явления, на новые литературные произведения, имеющие отношение к вопросам индустрии. О хорошем вкусе свидетельствует отбор произведений современной мировой литературы. Почти всегда хороши многокрасочные и офсетные вкладыши и иллюстрации.

Журнал, в сущности, только начинает свою жизнь, только накапливает опыт — в живой работе, в сомнениях и размышлениях, в переписке с читателями, в постоянном общении с людьми социалистического труда, с писателями и художниками. Но самый тип журнала уже складывается на глазах, журнал уже сейчас имеет вполне определенное читателя, который с интересом прочтывает все его разделы: от статьи, требующей серьезного усилия мысли, до песен (с нотами) и шахматного раздела. Это — широкий круг инженерно-технических работников, студентов, люди социалистической индустрии. Вместе с тем журнал представляет большой интерес и для любого советского читателя.

Возвращаясь к мыслям, высказанным в начале статьи, я хочу прибавить, что «индустрия» в материале этого «профессионального» журнала дает читателю ощущение огромной значительности нашей современности, наших людей и дел — в разную большую степень, чем это дает «погружение» в материал наших «общих» литературно-художественных журналов, имеющих в своем постоянном распоряжении наиболее квалифицированные кадры писателей. В чем здесь дело? Уж не в том ли непосредственном содействии с живой и мощной жизнью, которая штатет журнал своими силами? Об этом надо серьезно подумать работникам наших толстых журналов.

К недостаткам журнала следует отнести крайне малое количество статей, затрагивающих общие вопросы социалистической индустрии, — я бы сказал, философию индустрии, обобщение ее непрерывно накапливающегося организационного, в широком смысле, опыта. Потребность в этом громадная, а между тем в журнале имеется на эту тему всего лишь одна статья — правда, хорошая — Бориса Агапова.

Юрий ОЛЕША

«Большой рейс»

Герой «Большого рейса» — шоферы «Лензолота», работающие на Якутском тракте. Их несколько человек, среди них и автор книги — девушка, ставшая шофером.

Замечательно в этой книге то, что она своеобразна. Автор молод, часто ошибается, однако, сразу ощущая своеобразие его художественных восприятий.

Есть в книге превосходное описание того, как девушка заблудилась в лесу. Говорится о «звездном спокойствии», о «меховых стволках». Молодые березы склоняются головы и говорят девушке: «Руби нас, если мы тебе нужны». Бусты багальника сжимаются в пучки, и девушка слышит: «Влжи нас, если мы тебе нужны».

Это превосходно, но я возмущаю на себя смелость пренести молодому автору урок. Мне кажется, что существует такая истина: вот вы хорошо все видите, вот вам уже все определится верно и красиво, удалый поток образов льется из-под вальского пера... Кажалось бы, это замечательно: чего же еще, казалось бы, желать, как не умения все превращать в образы? Однако тут кроется опасность. В моменты, когда создаются образы, всякий автор переживает приятное состояние, и поэтому чувство контроля ослабляется. Когда пишешь, кажется, что все образы хороши — один лучше другого! Но, оглянувшись, убеждаешься, что половина их никуда не годится. Особенно, если образы эти лирического свойства. Ты был умилен и сам удивлялся, откуда берется у тебя это умение так божеественно видеть мир, но прохлдит некоторое время, и ты обнаруживаешь, что твоя лирика отличается одним из самых неприятных качеств: слабостью.

Например, такой отрывок в «Большом рейсе»:

«За дубушкой деревья вабирались вверх, громогласно одно на другое по высокой скале. Потом деревья кончались, голая скала упиралась в небо. Кажалось, если забраться на нее, можно увидеть все хитрости неба, заглянуть в него и узнать, отчего дрожат луна и как рассыпаются звезды».

Разве не сладок финал этого отрывка?

К. Клоос. «Большой рейс». Повесть. «Советский писатель», 1939. Москва.

Между тем я предполагаю, что именно Фразо о рассыпающихся звездах особенно умилила автора. Если бы не лирическая уловка, то и образ луны, которая дрожит, не понравился бы автору. Не потому ли дрожала луна, что автор смотрел на нее сквозь слезы умиления? И рядом отличное выражение — «хитрости неба». Но автор согласился со мной, что такое выражение может показаться на месте только в энергическом отрывке, а не в умиленном.

Клара Клоос умеет писать и с энергией. Прекрасно изображена сцена встречи шоферов и колхозников. Шоферы пригласили в колхоз прочесть лекцию о тракторе. Грубые, одичавшие в борьбе со стужей, они пришли обяснять будущим трактористам устройство машины. Они шли с тем, чтобы помянуться, готовые к конфликту. Чем окончилась встреча? Изображается один из колхозников, слушавших лекцию.

«Над столом поднялась лохматая голова, блеснула раскормыми глазами и снова нагнулась над белым листом. Юсуф держал карандаш крепко, как стрелу, и старался не отставать от других, торжественно писал, прокладывая бумагу...»

Президетальница колхоза обращает внимание автора на Юсуфа. Президетальница говорит — «способный парень!»

«Да, — отвечала я, — ребята надожд, первый сорт».

Я сказала это немного свысока, но сейчас же сравнила нас с ними — мы были ближе их!»

Сцена посещения шоферами колхозников кажется мне одной из лучших в книге. Здесь все правдиво на месте, точно. Здесь автор знает, что если юному звонку Юсуфу и пришел он в колхоз из далекого аула, то хорошо для быстрого определения его внешности сказать, что карандаш он держит в руке, как стрелу.

Еще раз следует посоветовать автору следить за тем, чтобы образность его языка не переходила в сладость. Это, между прочим, касается не только языка. Совершенно, например, непонятно, почему шоферы, которые в начале повести были грубыми, превращаются посредле в нежных и светлых юношей? Под влиянием наступившего, что ли, лета? Опять-таки здесь виною неумение автора сопротивляться лирической волне. И выходит в результате, что шофер Мухия, изображенный автором в преступных красках, приобретает обаяние.

То, что я пишу о книге Клары Клоос, не является критическим разбором. Мне просто хочется поговорить с молодым автором профессионально. Возьмем фигуру появляющегося в повести отца девушки. Это тактик. Он пружает с границы. Все, казалось бы, великолепно в этой фигуре.

«Он вошел теканым шагом и стал поспри комматки — герой. На плечах его шевелилась шинель, хорошо подогнанная под густой туман. Бритая голова казалась несокрушимой, будто из слоистой кости, она стояла высоко, эта голова победителя. Он, припружая, с минуты палца в меня, потом начался обстрел».

Это — холодно, выдуманно.

Далее девушка говорит, что отец ее был так чист, что показала ей комедии с конейера. Девушка спрашивает его даже, не почел ли он в гостях. На это великодушный отец отвечает, что он принял ванну в поезде.

Сцена встречи отца с дочерью решительно не удалась автору. Почему? Силуно укаргуно то, что старый отец оказывается командиром танкового отряда. Автор может возразить мне, что такая вещь вполне возможна. Тогда я скажу автору, что в плане художественном тактик — это никак не отец, а сын.

Есть в книге и другая фигура сильного человека, изображенная автором несколькими штрихами, но очень убедительно. Этот человек появляется в общении, где разгулялись шоферы. Гость требует транспорта, ему надо ехать на строительство дороги, он — один из начальников. Шоферы встречают его враждебно, на него сыплются насмешки. В ответ на это раздается властный окрик гостя, приволяющий задр в растерянность. Гость приказывает, и приказание его исполняется.

Повторяю, фигура очерчена несколькими штрихами — только и сказано о нем, что он вошел в желтой дозе и остановился на пороге, но впечатление получается гораздо более сильное, чем при изображении фигуры отца. Причиной тому — правдивая ситуация.

Клара Клоос, мне думается, должна проервать свое мастерство в том отношении, чтобы избежать надуманности, сладости и многословия. Тогда ее произведения будут очень хорошими, так как она талантлива, и художественное мышление ее своеобразно.

Привет мастерам искусства социалистической Армении!

Армянская музыка

Аро СТЕПАНЯН

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ИСКУССТВ, ДЕПУТАТ ВЕРХОВОГО СОВЕТА АРМЯНСКОЙ ССР

Артист Г. Габриэлян в роли ашуга (опера «Алмаст»).
Фотоклише ТАСС

Т. САЗАНДАРЯН

СОЛИСТКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕАТРА ОПЕРЫ И БАЛЕТА им. СПЕНДИАРОВА

ДОСТИГНУТОЕ И ЖЕЛАННОЕ

Есть вещи, которые на первый взгляд кажутся незначительными, маловажными. У меня хранится обыкновенная тетрадь. Если кто-нибудь возьмет ее в руки, то, перелистав, отбросит в сторону. Но эту тетрадь я буду хранить всю жизнь. В ней непривычной рукой сделаны карандашом зарисовки — одежды, движения рук, различные женские позы. Эта тетрадь — результат моих первых исканий образа Алмаст, внешнего облика этой коварной, властолюбивой женщины, которую я должна была сыграть в театре.

Для меня, молодой артистки, впервые выступавшей в большой, ответственной роли, это было совсем не легкой задачей. Я серьезно вылезла за изучение прошлого армянского народа, его освободительной борьбы. Часто бывала в музеях. Случайно узнала, что армянские женщины в прошлом, в дни победных торжеств, надевали длинную чикилу (головной платок).

Прекрасная поэма Туманяна «Взятие Тумской крепости», которую я основательно изучила, дала мне полное представление о властолюбивой Алмаст и о силе ее чувства к мужу Татулу.

Верх над любовью берет коварство и тщеславие. Это надо было показать. Поработать пришлось много, и в этой трудной работе мне помогли мои занятия в студии Р. Симоньяна, которую я окончила несколько лет назад.

До этого я работала слесарем на Московском велозаводе. Работала три года. Там, среди рабочей молодежи, среди комсомола, фактически воспитавшего меня, мне дали возможность осуществить давно, еще с детства взледевшую мечту о сцене, об исполнении наших ярких задушевных армянских песен, плывавших мой слух в родном селе Гориса, в горах Зангезура.

1939 год знаменателен для меня двумя радостными событиями. Совсем недавно я подала заявление о вступлении в ряды партии. Наша комсомольская организация уже дала мне рекомендацию. Второе радостное событие: в 23 года я получила главную роль в одной из ярких классических опер армянского народа.

Меня очень интересует армянская народно-ашугская песня. Я стараюсь изучать прекрасные народные мелодии, развивая свои способности, исполняя их.

Армянские песни я исполняю в своей импровизации. Несколько таких песен записаны композитором Тер-Гевондяном.

Я мечтаю сыграть партию молодой патриотки, какой являлась я сама и вся наша молодежь, — показать образ девушки нашей светлой сталинской эпохи.

НАИРИ ЗАРЬЯН

Комитас

Посвящая квартету имени Комитаса
Тяжелый, мудрый труд народа воплощен
в твоей струне,
Люби и жизни вечный ропот, сладкий стон
в твоей струне,
Наш грустный гордый ороев¹, прохладный ветер наших гор,
Босы на козогорах и ручья журчанье,
звон в твоей струне,
Румяный смех, что рос, как роза,
оросенная грозой,
И девушек родной страны веселый сонм
в твоей струне,
Нет летней ночи без луны, без яр²
цвет юного жезца,
цвет юного жезца,
Он шепот мялкую, забыв покой и сон,
— в твоей струне,
Печаль бездомных беженцев, слеза тоскующих невест,
И дом без кровли, без двора, пустынный дом
— в твоей струне,
Свирели нежный, тихий зов и гомон свадеб горных сел,
И пляз безмолвный шипеты и гора гром
— в твоей струне,
Певец труза, певец любви, ты миру старому был чужд,
Не прославлялись рабский стон и шаоский трон
в твоей струне,
Ты близок и понятен нам, купцом сталинские дни,
В тебе сокровища веков, крылатый конь
в твоей струне,
Тлетворной лжи и смерти враг, ты плавил ледный ключ живой,
Весна, цветения, любовь, житий закон
в твоей струне.

Перевел с армянского автор.

¹ Ороев — песня пахаря.
² Яр — волюбленная (ий).

Музыкальная культура армянского народа — очень древняя. Уже существовавший во времена Тиграна Великого (современник Помпея) армянский театр показывал не только драматические, но и музыкальные произведения. В Матенадаране (Ереванское книгохранилище), одной из крупнейших в мире библиотек малюкригов, хранится около 700 рукописей с нотами — древнеармянскими нотными знаками. Крупнейший армянский композитор Комитас расшифровал 220 невин из существующих 360, и теперь мы можем судить о разнообразии и богатстве армянской музыки очень древних эпох.

На путях своего исторического развития армянская художественная культура, армянская музыка в частности, испытывала и оказывала влияние на художественную культуру и музыку ряда стран, с которыми армянский народ находился в постоянном общении. Поэтому можно говорить о взаимодействии древнеармянской музыки и музыки арабской, иранской, византийской.

Родоначальником хоровой музыки у армян является Христофор Кара-Мурза, уроженец Крима. Он первый использовал в своем творчестве народную армянскую песню. За сравнительно короткое время своей творческой жизни Кара-Мурза организовал в разных городах Закавказья и Севера многочисленные выступления армянского хора, которые пользовались огромным успехом среди широких масс. Он первый применил многоголосие в своих образах армянских народных песен. В этот же период работал в области армянской многоголосой музыки основатель Петербургской консерватории Н. Екмалиян.

Выдающийся армянский композитор Комитас (Геворкян) продолжил с необычайным трудолюбием и талантом развивать хоровую культуру армянского народа. Комитас является одновременно и основоположником современной армянской национальной музыкальной школы. Воспитанник Лейпцигской консерватории, хорошо знакомый с современной ему музыкальной культурой, он написал ряд вокальных и инструментальных произведений, блестяще использовав армянский музыкальный фольклор. Он начал работать также над оперой «Ануш». От этой оперы до нас, к сожалению, дошла всего только одна страница партитуры. Как известно, во время своей душевной болезни великий

композитор уничтожил все, написанное им, в волнах Босфора. Сюита фортепианных танцев и песен Комитаса заслуживает того, чтобы она была включена в репертуар исполнителей всех республик нашего Союза.

Армянская национальная музыка после Комитаса развивалась в трех направлениях. Последователем Комитаса во главе с Романосом Меликяном в своем творчестве также базировался на народном мелосе. Родоначальником второго направления является Николай Тигранян, который писал главным образом инструментальную музыку, используя в своем творчестве не только армянскую, но и иранскую музыку. Его дело в армянской музыке продолжил и развил композитор С. Бархударян. Третье направление, возглавляемое А. Спендиаровым и А. Тер-Гевондяном, сочетало в своем творчестве влияние русской музыкальной школы, главным образом «могучей кучки» (Спендиаров и Тер-Гевондян были учениками Римского-Корсакова, Глазунова и Ядлова), с традициями вокальной и инструментальной музыки Армении.

Спендиаров является основоположником симфонической музыки в Армении. Его симфонические поэмы «Армения» и «Три пальмы», так же как и его опера «Алмаст» — выдающиеся произведения армянской национальной музыки. Симфонические поэмы «Рождение Вагана» и «Ахтамар» Тер-Гевондяна являются прекрасными образцами оркестровой музыки.

Творчество Тер-Гевондяна и Бархударяна по-настоящему развернулось уже в советское время. После советизации Армении Тер-Гевондян написал балеты «Невеста огня» и «Анаид»; Бархударян написал балет «Парише».

В советское время начался подлинный расцвет национальной музыкальной культуры в Ереване. Армения посылает своих музыкально одаренных юношей и девушек в консерватории Москвы и Ленинграда. Среди молодых армянских композиторов можно назвать таких замечательных мастеров, как Арам Хачатурян, Каро Закарян, Микаэл Мирзоян, Мартын Маманян, Арам Бочарян и другие.

Арам Хачатурян, ученик Гнесина и Мяковского, в своем творчестве сочетает влияние армянских композиторов с русской и европейской музыкальной культурой, воспринятой им от своих учителей и от общения с лучшими представителями советской музыкальной культуры в Москве. Его «Поэма о Сталине», фортепианный концерт, «Первая симфония», ряд скрипичных произведений и блестящий балет «Счастье» выдвинули Хачатуряна на одно из первых мест среди молодого поколения композиторов нашего Советского Союза.

Каро Закарян учился в Тбилисской

консерватории. Им написана опера «Маджар», множество хоровых и инструментальных песен.

Миякоян, Маманян, Бочарян и Тальян достигли больших успехов в области инструментальной и вокальной армянской музыки. Ими написано немало оригинальных песен и романсов, а также обработано большое количество народных песен.

Традиции ашугства, появившиеся в Армении с XVII столетия, и асохнеров (сказателей) сказались на творчестве советских композиторов младшего и старшего поколений в Армении. Они широко использовали в оркестре национальные инструменты и способствовали расцвету ансамблевой музыки.

Армянские ашуги выдвинули на протяжении трех веков ряд блестящих представителей своего поэтического ремесла, имена которых с любовью хранит народная память. Ашуги являются одновременно поэтами-импровизаторами, певцами, музыкантами. Имена ашугств: Нагам Ованян, Саят-Нова (XVIII век), Мясник Бурджи (начало XIX века), Ширин, Дживани (конец XIX и начало XX века), нашего современника Григора, автора прекраснейшей песни «Сталине, Апхука (юношеские песни на армянские колхозные темы) — популярны и любимы у нас во всей стране. Ашуг Назук является не только певцом, но и теоретиком ашугской песни и педагогом, готовящим новые кадры молодых ашугств.

Национальный инструментарий Армении состоит из саза (длиннообразного шипкового инструмента), сринга (свириды), дудука и зурны (род современного гобоя), хлоля дооля (барабан), тиллипитона (маленький барабан, издающий тонкий, звонкий, высокий звук), дафа (бубны). Группа исполнителей на этих инструментах, состоящая из тариста, кеманчиста с названными инструментами, были единственными в своем роде ансамблевой музыки (даста). В состав дасты входило обычно не больше 5 исполнителей.

В последние годы филармония организовала целый ряд разнообразных музыкальных и вокальных коллективов с значительно более богатым и разнообразным инструментарием.

Во время декады армянского искусства население столицы СССР ознакомится с творчеством армянских композиторов старшего и младшего поколений, а также и с лучшими образцами армянской народной музыки и танца, отображающих счастливую и радостную жизнь народа Советской Армении.

Опера «Ануш». Действие 2-е.

Фото Р. Бенарио.

Г. ДЖАНИЯН, М. ЖЕЛЕЗНОВА

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЕРЕВАН

В старом здании театра им. Сундукяна помещается Театральный музей. В нем собраны театральные реликвии прошлого. Среди прочих экспонатов тут хранятся путевые заметки английского путешественника, жившего в Ереване в 40-х годах прошлого века. Они передают впечатления от спектакля «Горе от ума», впервые поставленного в Ереване в Сардарской крепости — офицерами и их женами, жившими в крепости. На спектакле присутствовал автор — Грибоедов, проезжавший через Ереван в Персию.

Музей еще очень молод. Он организован только год тому назад. Сотрудники музея развезают по Армении и Закавказью, собирают все, что принадлежит армянскому театру. Искусствоведы, историки пишут для музея монографии о великих актерах, книги об армянском театре и его многовековой культуре.

Армянский театр начал свое существование еще в первом веке при Тигране Великом. После победного возвращения с войны на полях устраивались торжественные празднества.

Народ смотрел пьесы греческих классиков и царевича Артавазда, сына Тиграняна, изображавшего бесстрашных сынов Армении, побеждавших полчища врагов.

С веками росла и множилась театральная культура Армении. Армянский народ дал своей сцене крупных актеров — Сирануш, Петроса Аламяна, Ованеса Абяна, чьи имена вошли в историю мирового театра.

До революции в Армении существовало лишь несколько кочующих трупп, переливавшихся из города в город. Театральные коллективы создавались по инициативе талантливых актеров. Но эти инициативы постоянно глушились. Коллективы создавались и распадались, не имея определенной сцены, нуждалась в костюмах, реквизите, декорациях.

Как работал в те годы участник декады, заслуженный артист республики Шара Тальян?

Он радовался по Армении, показывая народу оперу Тиграняна «Ануш».

2—3 дней хор, балет и оркестр из учащейся молодежи — любитель и показывал оперу, под аккомпанемент народных инструментов, на сцене школы или клуба.

В Театральном музее хранится любопытная фотография: маленький ослик бредет по Мергинским горам, навьюченный корзинами с костюмами, ящиками с театральными бутылочками. Рядом идет артист Манвелян, ныне народный артист республики, писатель, автор многочисленных рассказов. Манвелян подымается в гору, опираясь на палку, с плащом на плече. Актеры несут ящики с реквизитом, декорациями. Такова была театральная действительность до Октября.

Когда темнеет Араарская долина и вожный ветер окутывает Ереван — тысячи огня заливают ярким светом блестящие, асфальтированные улицы и величественные новые здания города.

В топовых аллеях сада Коммунаров, перед зданием Государственного драматического театра им. Сундукяна по вечерам люди и оживленно.

Лучший драматический театр Армении широко популярен в республике. Он существует уже 15 лет. За эти годы театр поставил наряду с классическими произведениями Шекспира, Шиллера, Мольера и Лопе де Вега, произведениями армянской и русской классики: Пароняна, Сундукяна, Пушкина, Гоголя, Островского и Горького — также пьесы современных советских и западноевропейских драматургов.

За последние годы деятельность театра была особенно плодотворной. Коллектив театра, проделав огромную работу, показал на своей сцене образы Ленина и Сталина. Заслуженный деятель искусств Ваян-Вартанян поставил «Человек с ружьем» И. Погодина. Пьеса пользуется в Ереване колоссальным успехом. Народный артист республики Вагарш-Вагаршян талантливо воскресил на сцене образ великого Ленина. Народный артист республики Гурген Джанибекян ярко воплотил образ вождя народов Сталина.

Большим событием прошлого театрального сезона Еревана была постановка пьесы драматурга и режиссера Армена Гулакяна — «Великая дружба». Эта пьеса посвящена жизни и деятельности ученика и соратника Сталина, пламенного Сурена Сандаряна.

Пьеса «Великая дружба» переведена на русский язык и в этих выпусках идет в печати издательством «Искусство».

Основной костяк коллектива театра составляют знатнейшие люди армянской сцены. Армения знает и любит — «Дядю Гришу», народного артиста Григора Аветяна, чей полувековой театральный опыт и талант праздновала в июне вся республика.

Любит и знает прекрасную народную артистку, депутата Верховного Совета Армянской ССР Асмик Аюнян, народных артистов: Арус Восканян, Ольгу Гулакян, Михаила Манвеляна, Аветя Аветяна, Граня Нерсисяна, Гургена Джанибекяна.

Это старшее поколение актеров вырастило талантливого молодого, заслуженного артиста Рузана Вартаняна, Гургена Габриеляна, Евгения Себар, Давида Мамяна, Сюзана Каракаш и других.

Сейчас коллектив с большим воодушевлением работает над пьесой Деникина Демьяна — «Страна родная», о героическом прошлом армянского народа.

На днях в театре состоялась премьера пьесы двух молодых драматургов, инженеров Агагоряна и Худавердяна — «Пусть раскроются розы» — о советской молодежи.

Десять лет существует Второй Государственный Ленинский театр. Это характерно для этого театра? Прежде всего, повседневная, тщательная, серьезная работа режиссера и актеров с молодыми драматургами. А они крепко связаны с театром и приносят туда свои первые пьесы.

За последние годы театр открыл в Армении много новых драматургов. Поставлены пьесы: Людвика Микаэляна — «Гюш», Араксана «Эмануэл» — о жизни друга Герцена и Чернышевского писателя-революционера Микаэла Налбандяна, Мелика Бочаряна «Слепой музыкант». В этом году пойдет комедия С. Назата «Свадьба» из жизни армянского колхоза.

Недавно в Ереване организованы Государственный русский театр им. Станиславского, работающий, главным образом, над советским репертуаром, Государственный Азербайджанский театр им. Джабара-Джабарлы, Государственный перелынский театр под руководством народного артиста республики Амо Харазяна. Этот театр ставит свои спектакли в колхозах и по бережьям

Севана, на склонах Алагева, в горах Зангезура. Нет такого селения в Армении, где бы не побывал коллектив театра Харазяна.

Имеется два детских театра, работающих при Дворце пионеров. — Кукольный и Театр юного зрителя.

Театральный техникум и драматическая студия дают сценическое образование молодежи Еревана.

Всюю этого года в столице Армения состоялась смотра колхозных театров республики. Это было яркое, радостное событие! В столице на сцене с'ехались колхозные театры Кировакана, Степаняна, Дилижана, Гориса, Кафана, Алаверды, Вагаршала, Ваягета, Алагева и т. д.

Смотр пролепетировал колоссальный рост культуры колхозов Армении.

В дни декады армянского искусства Москва увидит творчество горстки армянских сцен — Государственного театра оперы и балета им. Спендиарова.

Лирическая, мелодичная музыка Армении, плавные грациозные танцы девушек, воинственные огненные пляски мужчин, протяжные, задушевные народные песни — все это сокровищницу армянского искусства воплотил в себя впервые созданный в Армении оперный театр.

За семь лет своего существования театр привнес армянскому зрителю любовь к русской и западноевропейской оперной музыке. Были показаны оперы: «Фауст», «Кармен», «Чю-Чю-Сан», «Риголетто», «Травиата», «Тоска», «Севильский цирюльник», «Евгений Онегин», «Русалка», «Тихий Дон», балеты «Лебединое озеро», «Бахчисарайский фонтан», «Вальдшнепа ночь», «Арлекинада».

Творчество армянских композиторов театр покажет в дни декады в Москве. Оперы «Алмаст» Спендиарова, «Ануш» Тиграняна, «Лусабация» Степаняна, балет «Счастье» Хачатуряна — прекрасные музыкальные поэмы о прошлом и настоящем цветущей Армении.

Артистка Т. Сазандарян в роли Алмаст.
Фотоклише ТАСС

М. П. МАКСАКОВА

ЗАСЛУЖЕННАЯ АРТИСТКА РСФСР

МОИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

С большим волнением и интересом слушала я 15 октября на общественном просмотре оперу «Алмаст» в исполнении артистов театра им. Спендиарова.

Я была первой исполнительницей роли Алмаст. В 1931 г. режиссер Шарашизе впервые поставил эту оперу на сцене филиала Государственного Академического Большого театра. Опера шла около трех лет, и всякий раз я исполняла партию Алмаст с особой любовью. Меня окрыляла прекрасная музыка Спендиарова.

Алмаст в театре им. Спендиарова играет молодая артистка Сазандарян. И мне, знающей каждую ноту этой оперы, каждое слово текста, хочется дружески поделить с талантливой певицей своими впечатлениями.

Сазандарян поразила меня прекрасным, необычайно мягко звучащим голосом, которым она искусно владеет, блестящей мимикой. «Алмаст» — трудная опера. Сильная, глубоко драматическая по своему характеру музыка, изображающая трагические действия, обременена композитором в нежную лирическую форму. Надо быть очень опытной артисткой, чтобы в этих мягких тонах дать образ властной, честолюбивой, сильной Алмаст.

Необычайно динамичная опера насыщена все нарастающими и сменяющимися друг друга событиями. И в этих событиях главной героиней является Алмаст. Значит, артистка все время играет, все время живет на сцене.

Сазандарян меня поразила! В 23 года быть такой прекрасной драматической артисткой и вокалисткой! И именно потому, что она так талантлива, я считаю своим долгом дать ей несколько советов.

Во втором действии, в сцене с ашугом, Алмаст должна спокойно держаться на сцене. Ее душевное волнение, нарастающее с песней ашуга, должно выражаться только игрой лица. А Сазандарян в это время мечется по сцене. И в последнем действии Алмаст должна быть более спокойной. Ведь когда Надир-шах объявляет Алмаст, что она будет его наложницей, Алмаст с необычайной силой заявляет:

— Иного нет, не может быть решения! Иль владеть хочу, иль умереть! В этой сцене Алмаст должна выразить свое одиночество. А Сазандарян держится неспокойно, играет платком, делает много лишних движений.

Мне очень понравился Татул в исполнении артиста Лисиана.

Татул, окруженный народом, поет, обращаясь к Алмаст, о том, как прекрасно их чувство. Он сравнивает красоту Алмаст с нежным сиянием луны. Но вместе с тем артист Лисиан дал образ бесстрашного героя, полного воинственной отваги.

А режиссура умно ввела массу в эти сцены.

Блестяще сыграла маленькая мимическая сцена шута (артист Багдасарян). Она необычайно трудна, так как вся построена на паузах. Багдасарян прекрасно провел сцену.

Хорошее впечатление произвело на меня также исполнение ролей артистами Неспели-Носпелином, Гуселинковым, Погосян, Апянян, Габриэлян и Седмар.

Отрадно, что в театре им. Спендиарова пришел лучший художник Армении — Сарьян.

Его любимые оранжевые и голубые цвета изумительными красками озаряют сцену. Но тона города на втором плане в горах слишком темны по сравнению с яркими, солнечными тонами первого плана. Это создает резкий контраст.

Мне очень понравился балет. Воинственные танцы мужчин во втором акте необычайно выразительно объясняют слова Татула:

— Этот танец меня снова зовет в бой! Валетейстер Арбатов — большой художник.

Диржер Тавризян очень хорошо дирижировал. В его мастерстве чувствуется благотворное влияние Мелик-Пашаева. Оркестр мягко аккомпанирует певцам, ни на секунду не заглушая артистов, и в то же время выделяя каждую музыкальную фразу.

Звонко поет женский хор. Молодые, чистые голоса не лепетнируют, в них слышится молодость, сила, хорошая школа. Театр Спендиарова, поставив трудную оперу «Алмаст», доказал, что теперь он может поставить любую оперу русского и западноевропейского репертуара. Только театр большой культуры мог так удачно справиться с этой ответственной задачей.

ТУРЕЦКИЕ ПИСАТЕЛИ В МОСКВЕ

В составе прибывшей в Москву для ознакомления со Всесоюзной сельскохозяйственной выставкой турецкой делегации, возглавляемой министром земледелия Мухаммедом Эрменом, находятся журналисты и писатели Шюкрю Эсер, Садр Эртем и Суад Дервиш.

Советская печать неоднократно отмечала посвященные международным проблемам статьи пользующегося в Турции большой известностью журналиста и депутата парламента Шюкрю Эсера. Политические обзоры Шюкрю Эсера еженедельно появляются в выходящем в Анкаре официальном газете «Улус». В этих обзорах отражаются основательное знакомство с историей международных отношений и их современным состоянием, солидная эрудиция и умение давать серьезный и, насколько возможно, объективный анализ международного положения. К политическим обзорам Шюкрю Эсера с интересом относятся не только в Турции, но и за границей. В этих обзорах Шюкрю Эсер проявляет немалый интерес и доброжелательство к Советскому Союзу.

Садр Эртем, являющийся одним из самых выдающихся писателей сегодняшней Турции, с первых шагов своей деятельности показал себя новатором в турецкой литературе. Его первый появившийся в 1931 г. роман «Чырыклар Дурунджа» («Когда прайки останавливаются»), сразу составивший ему известность, был и первым в Турции реалистическим романом из крестьянской жизни, остро ставившим социальные вопросы.

Жизнь турецкого крестьянина интересует Садр Эртема не только в историческом аспекте. В своих дальнейших, весьма многочисленных, литературно-художественных произведениях Садр Эртем черпает темы главным образом из жизни турецких крестьян и рабочих, с которой он прекрасно знаком. Героем последней, недавно вышедшей в свет, повести Садр Эртема «Человек в медвежьей шкуре» также является крестьянин.

Советский читатель сумеет в ближайшем будущем познакомиться с некоторыми из лучших произведений Садр Эртема, которые вошли в подготовленный к печати Государственным издательством «Художественная литература» сборник переводов, рассказов и повестей турецких писателей.

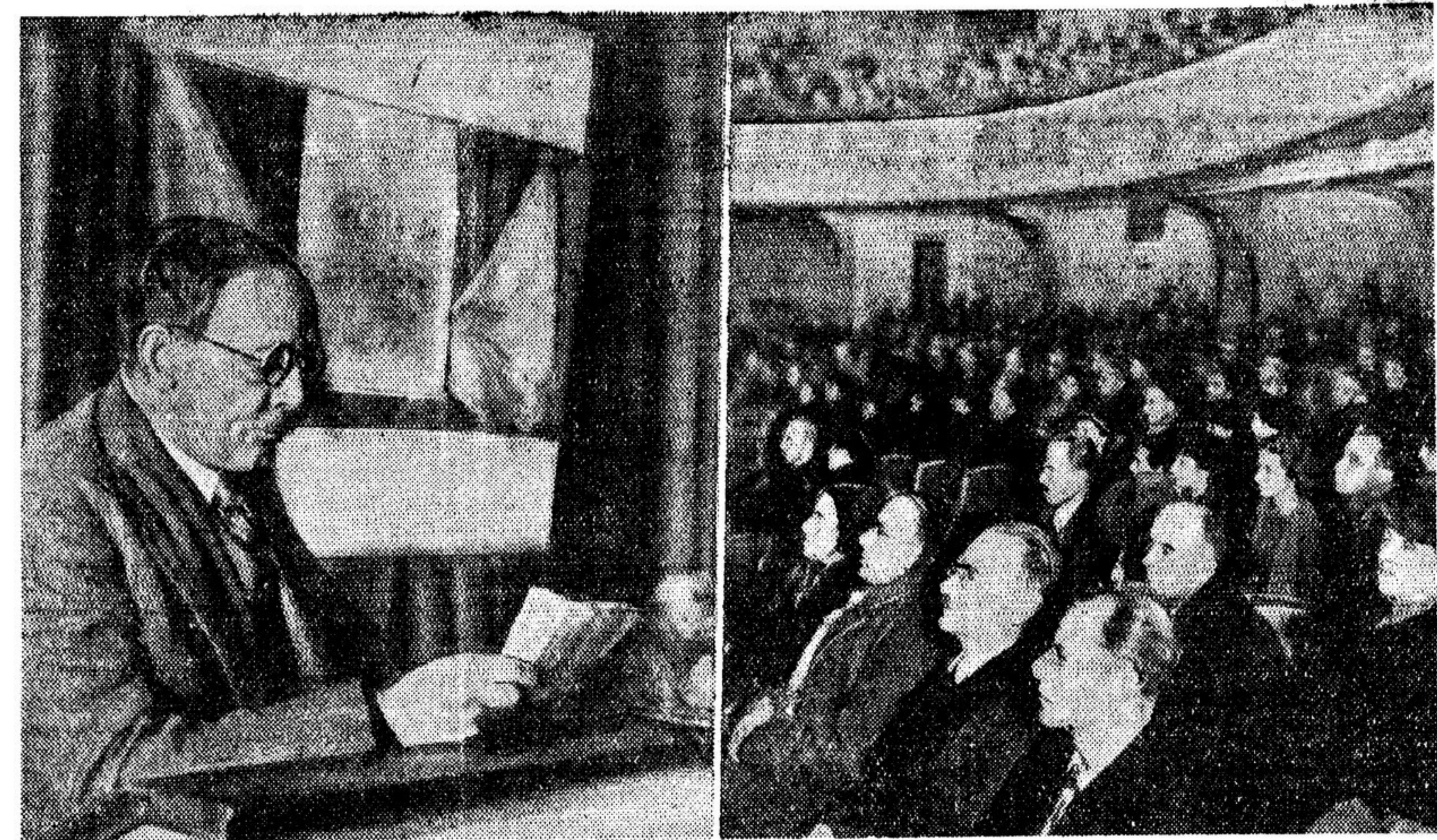
Прибывшая в Москву в составе турецкой делегации Суад Дервиш в очень молодом возрасте вступила на литературное поприще. Газетная работа занимала и занимает большое место в творческой деятельности Суад Дервиш.

В качестве корреспондентки прогрессивной турецкой газеты «Тан» Суад Дервиш в 1937 г. посетила СССР. В результате этой поездки в «Тан» было опубликовано несколько корреспонденций Суад Дервиш, проникнутых чувством горячей симпатии к Советскому Союзу.

Суад Дервиш является автором ряда романов и сборников рассказов. В своих литературно-художественных произведениях Суад Дервиш уделяет основное внимание женскому вопросу и в особенности проблеме материальной небезопасности турецкой женщины-матери. Некоторое представление о художественном мастерстве Суад Дервиш может дать рассказ «Он или не он» с его напряженным волнующим построением и исключительно тонким психологическим анализом. С этим рассказом советский читатель также сумеет познакомиться в упоминаемом выше сборнике.

Писательская общественность Москвы испытывает искреннюю радость от возможности непосредственного общения с выдающимися представителями турецкой печати и литературы.

Е. ГАЛПЕРИНА

Радостно готовятся трудящиеся Западной Белоруссии к выборам депутатов в Народное Собрание Западной Белоруссии. На многотысячных предвыборных собраниях рабочие, крестьяне, интеллигенция выдвигают кандидатуры лучших людей — достойных представителей осваивающегося народа. На снимке: предвыборное собрание учителей г. Белостока. Слева — выступает белорусский пост-орденоносец Янка Купала.

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

В редакции журнала «Детская литература» начинала устанавливаться хорошая обстановка: после выхода очередного номера собирались критиков и вместе с ними подробно обсуждали его.

16 октября состоялось уже второе такое совещание. Доклад сделал Я. Рыкачев. Докладчик разобрал напечатанные в № 8 статьи и высказал о них свое мнение, подкрепив его солидной аргументацией.

Доклад т. Рыкачева дал направление всему совещанию: оно прошло в тоне искреннего разговора о журнале, о детской литературе, о писателях и критиках детских книг.

Спор велся главным образом вокруг статей В. Шкловского, Л. Гумилевского, Е. Николаевой и двух статей А. Рагозиной.

Некоторые участники совещания, например, считали, что Л. Гумилевский в своей статье «Неумирающий фантазм» (отзыв на книгу Н. Булгаков «Охотники за растениями») высказал настолько правильные мысли, что с ними остается только согласиться... Выступает М. Левидов. Он заявляет, что со статьей Гумилевского в корне не согласен. Тов. Левидов считает, что против «беллетризации» детской научно-популярной литературы востановить нельзя: этот литературный прием будет отлетать, и речь может идти только о том, в какой манере, говорит тов. Левидов.

В самом начале т. Гумилевский выступил В. Ивантер, который считает по-прежнему самым методом «беллетризации». По мнению т. Ивантера, критика должна поощрять решительную борьбу с этой установившейся традицией искусственного введения в детские научные книги сюжета, диалогов и проч. для того, чтобы сделать научный материал «занимательным». Когда ученый обладает талантом художника, хорошо владеет словом, он может полагаться на большую выразительность, и ему никогда не понадобится искусственно поносить свои произведения «сахарной пудрой» занимательности.

Какой должна быть научно-популярная литература — вопрос специальной дискуссии, и его трудно решить на узком совещании. Но важно, что этот вопрос поднят на совещании и на страницах журнала.

Много говорили на совещании о статье В. Шкловского «Бумага и книги», и все сошлось в мнении, что В. Шкловский поднял важнейший вопрос об искусстве издания детских книг не только в связи с экономией бумаги, как это на первый взгляд может показаться, но и в связи с оформлением детской литературы по существу.

Т. А. Коштыгин и А. Ивч выразили

удивление, почему докладчик ни словом не обмолвился на статье Н. Спенсера, напечатанной в том же номере «Детской литературы». Она написана по известному стандарту: тусклый пересказ содержания книги, пересказанный такими фразами: «хорошо и волнующе просто рассказано», «рассказано тепло и с юмором», «с большой теплотой и любовью показано», «книга написана живым, ярким языком», «книга написана живым понятным языком», «хороши и красочны описания» и т. д., являясь типичными фразеологизмами, в которых невозможно докопаться до смысла: «художественная ткань и целостность книги изредка нарушаются кое-где именными повторениями».

— Я этой статьи не читал, — сознался докладчик.

— Почему?

— Я думал, что это официальная статья...

И тут же на совещании возник вопрос, а должны ли в журнале печататься эти «официальные» статьи на так называемые «дежурные темы». Ведь именно авторам этих статей почему-то прощаются все недостатки, говорит С. Гехт.

Всем понравилась статья А. Рагозиной о книге Л. Верриччи «Моя приятельница Алессандро», но его же статья «Лирика Гайдара» вызвала разногласия и по существу анализа творчества писателя и по форме: эта статья, по мнению некоторых выступавших, написана для читателей, с творчеством Гайдара не знакомых, а журнал должен ориентироваться на специальность в области детской литературы.

Все выступавшие сошлись на мнении, что журнал «Детская литература» становится интересным и содержательным журналом, в нем начинают работать квалифицированные критики, привлеченные редакцией из «взрослых» журналов. Но журналу все еще не хватает остроты, он редко вмешивается в живую жизнь детской литературы, не ставит таких насущнейших проблем, как, например, проблемы детского рассказа и специфики детской литературы; недостаточно освещает детскую литературу братьев народов. Журнал пока еще остается не столько «критическим», сколько «библиографическим» журналом, а он обязан и может стать центром мысли о детской литературе.

Совещания при редакции журнала «Детская литература» необходимо приветствовать.

Жаль только, что на эти совещания редакция приглашает почти исключительно критиков, печатающихся в журнале. Если бы в них приняли участие детские писатели, обсуждение могло бы получиться еще более содержательным.

И. КРОВОТА

Как не надо устраивать вечера

Накануне выходного дня работники искусств получили приглашение посетить 18 октября вечер, посвященный избирательной системе СССР и выборам в местные Советы депутатов трудящихся.

Доклад на эту тему, как значилось в приглашении, должен был сделать председатель Комиссии законодательных предложений Верховного Совета РСФСР т. И. Голыков.

Разумеется, все приглашенные точно вовремя пришли послушать этот интересный и важный доклад.

Но, к изумлению работников искусств, они, войдя в свой клуб (Центральный дом работников искусств), увидели странное зрелище!

Огромная толпа пыталась прорваться сквозь кордон на площадку лекции.

А на площадке растерянный администратор и трое билетеры, взявшись за руки, никого не пропускали в зал и кричали напуганной публике:

— Разойдитесь, граждане! Все равно никто не пройдет. Там уже все битком набито. Расходитесь по домам!

— Но у нас билеты! Мы нас приглашали! — возмущались члены клуба.

— Разойдитесь, граждане, — старался перекричать администратор. — Я не виноват, что у нас так получилось.

Оказавшись, дирекция Дома решила, что доклад о выборах никто не захочет слушать, и поэтому расослала 1-200 приглашенных билетов по 650 мест. Но доклад вызвал большой интерес.

Весь этот инцидент показывает, что дирекция Дома не знает интересов работников искусств и проявляет вследствие этого удивительное головотяпство.

М. А.

Книга о Москве

Детиздат ЦК ВЛКСМ выпустил для детей старшего возраста книгу П. Лопатина «Москва» — о прошлом, настоящем и будущем красной столицы.

В книге семнадцать глав: Москва собирает русскую землю. Столица великого государства. Борьба с польскими интервентами. Бунтовское время. Боярская Москва. Москва при Петре I. Дворянская столица. Наместник Наполеона. На переломе. Купеческий город. 1905 год. Москва в Октябре. Москва — столица Страны Советов. План нового города. Сталинский план выполняется. Московские сутки. Столица мира.

В книге много иллюстраций.

ставая ее жестом приподнятых, слегка разведенных в сторону рук. Выразения лица нельзя разобрать. Что это такое? спросите вы еще раз. Независимо. Может быть «своя» Гоголя с нашей современностью. Может быть, еще что-нибудь. С самого скульптора это, повидному, меньше волновало. Достаточно взглянуть на исчерченную, исцарапанную, бурстную, ярую поверхность гипса, в котором слезная мажет, чтобы догадаться о простой вещи: Зеленскому в первую голову хочется «работать» в живописной манере; все остальное для него не существенно, и, пожалуй, «молодежь» он придумал для того, чтобы митовировать наклон статуи вперед, так как на будущий памятник люди будут смотреть снизу вверх.

Некоторые авторы приложили к своим проектам не лишние занимательные объяснительные записки. Послушаем, например, что пишет (с сожалением, на весьма приблизительном русском языке) скульптор А. И. Тенета о своем замысле.

«В центре памятника на постаменте статуя Гоголя взята в период наивысшего расцвета его творчества, создавшего бесмертные произведения — «Ревизора» и «Мертвые души». Три группы, изображающие сцены из произведений «Старая Бухара», «Маяская ночь» и «Ревизор», олицетворяют основные направления его творчества — героико-лирику и сатиру. Группы расположены в динамическом ритме архитектурных форм, создают внутреннее пространство, где каждая группа неповторимо характеризует идею произведения, раскрывая широту и глубину творчества А. В. Гоголя» (подчеркнуто везде мной — М. Г.).

Итак, идея главной фигуры состоит в том, что «статуя взята в период наивысшего расцвета». Присмотримся поближе к этому «высшему расцвету». Голова и лицо — без особых примет и представляют собой механическую копию с одного из известных портретов. Фигура согнута в пояснице, с наклоном вперед, причем голова выдвинута еще больше вперед (наклон, требуемый «высотной композицией»); согнутая в локте правая рука с переброшенным через нее платком выдвинута вперед, левая слегка отведена назад, правая нога, на которую приходится упор всего тела, выдвинута вперед и немного вправо. Опять-таки: что означает эта поза? Что, Гоголь собирается куда-то идти или кого-то быть? Может быть, он вызывает на кулачный бой николаевскую Россию? Что касается остального, то здесь действительно характерным образом: три группы, неповторимо характеризующие идею произведения, соединены между собой полукруглым барьером, внешняя сторона которого будет украшена барельефом — сценами из про-

КУРСЫ-КОНФЕРЕНЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

В прошлую зиму союз советских писателей дважды провел в Москве курсы-конференции молодых авторов. Опыт этот оправдал себя, и в ближайшее время в Москве откроются очередные курсы-конференция для 42 писателей из 19 областей и городов РСФСР.

В отличие от предыдущих конференций, в которых участвовали главным образом молодые, начинающие писатели братских республик, эта конференция, устраиваемая областными комиссиями ССП СССР, обещает наряду с молодыми авторами квалифицированных писателей периферии, вышедших уже свои книги.

Среди приезжающих на конференцию — писатели М. Сергеев — автор книги «Дорогой Шорс» (Воронеж), А. Коптелов — автор книги «Великое кочевье» (Новосибирск), курский писатель В. Аристов — автор исторического романа «Смоленск», Е. Дубрана — автор романа-хроники «Строганы» (Прютск), поэт К. Мураши (Свердловск), Д. Осин (Смоленск), автор повести «Мое детство» М. Штигельман (Ростов) и другие.

В числе молодых авторов, лишь подготовивших к печати первые свои произведения, в Москву приезжают Ф. Волохов (Воронеж), напечатавший несколько рассказов в альманахе «Литературный Воронеж», С. Сартаков (Красноярск), печатающийся в красноярском альманахе первый свой роман «Самые хребты» — о строительстве великого сибирского пути, И. Чумаков (г. Орджоникидзе) — автор романа о кулацком саботаже на Кубани, кубанский писатель В. Балкин, выпускающий первую книгу рассказов Чанцева, А. Коптелов, печатавший свое первое произведение в журнале «Октябрь», фольклорист А. Турелин (Прютск) — инициатор творческой конференции для собрания материалов о выполнении товарища Сталина в местах ссылки.

Программа курсов-конференции построена по обычному принципу: посещение выставок, музеев, театров, крупных предприятий, подмосковных мест, встречи и беседы с писателями, художниками, режиссерами и т. п. Курсы-конференция открылась 10 ноября и продлится месяц.

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИК О В. В. МАЯКОВСКОМ

Институт мировой литературы им. А. М. Горького подготовил сборник статей, посвященный жизни и творчеству В. В. Маяковского. Сборник выйдет в свет к 10-летию смерти поэта.

Это юбилейное издание — первый из серии научно-исследовательских сборников, который институт намерен посвящать творчеству В. В. Маяковского.

В сборнике наряду со статьями исследовательского характера много документально-описательного материала. Принципиальные вопросы выдвинуты в статьях Д. Тимофеева о поэтике Маяковского и в статье О. Брика «Место поэта в рабочем строю».

Далее в сборнике печатается очерк В. Пернова «Товарищ Константин». Это глава из научной биографии поэта, относящаяся к его юности.

Из историко-документальных материалов в сборнике печатаются несублимированные стихотворения В. Маяковского «Искусство», неопубликованные стихи из «Орна Роста», комментарии Н. В. Реформатской и т. д.

Большой интерес представляет публикуемое К. Чуковский письмо к нему Маяковского в связи со стихотворением «Гимн критику». Шесть публикуемых писем к Л. Брик заключают различные литературно-бытовые материалы и, в частности, характеризуют условия, в которых поэту приходилось выступать в провинции.

Кроме того, в сборнике печатаются статьи: А. Февральского — о «Мистерии Буфф», В. Батыгина — «Маяковский за границей», В. Тренкина — о поэме «150 миллионов» и Н. Хардилова — «Маяковский и живопись» и «Литературное турне футуристов 1913—14 гг.».

ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

АЗЕРБАЙДЖАН.

Азербайджанский правительственный комитет по празднованию 800-летнего юбилея Низами совместно с союзом писателей Азербайджана подготовил издание сборника научно-исследовательских материалов, посвященных жизни и творчеству великого азербайджанского поэта и эпохе, в которой он жил. Сборники будут выходить под названием «Низами».

КАЗАХСТАН.

В дни празднования XXII годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в Астане Джамбула (полное «Ерпазар») будет проведен слет народных поэтов и поэти (сказители) Казахстана. Предполагается устроить состязание акылов. Его откроет Джамбул «Песней об Октябре», которую будут по очереди продолжать все остальные певцы.

КИРГИЗИЯ.

Киргизский писатель К. Ишмамбетов перелал на родной язык пьесу Островского «Бедность не порок». Пьеса принята к постановке киргизской студией Гитис. Ишмамбетов перелал также текст фильма «Шорс», который сдан для озвучивания. Сейчас он работает над переводом драмы Шекспира «Король Лир».

Писатель Сомачин Тазабек написал пьесу «Сыновья Бермета», которая принята к постановке Театром эпохи зрелости в г. Фрунзе.

УЗБЕКИСТАН.

Союз советских писателей Узбекистана в ноябре 1939 г. отмечает 60-летие творческой деятельности народного поэта Курбан-Ата Исмаилова. Создана комиссия по проведению юбилея в составе Ум. Исмаилова (председатель), Х. Алимджана, А. Кахара, С. Абдулла, Эм. Аббасова, Б. Карамова, Абзалова, Фазлы Юлдашева, и Г. Гулама. Комиссия поручено составить сборник стихов и песен Курбан-Ата Исмаилова и популярную биографию поэта.

Новые книги

Детиздат ЦК ВЛКСМ в ближайшее время выпустит новые книги: «Жизнь Лермонтова». Для детей среднего и старшего возраста. Книга рассказывает о жизненных путях Лермонтова, о тяжелых условиях, в которых ему приходилось жить и творить. Вместе с тем автор уделяет большое внимание творчеству поэта, разбирает его отдельные произведения и показывает, какое значение имеет для нас поэзия Лермонтова. Биография иллюстрирована четырьмя портретами поэта и отдельными рисунками самого Лермонтова.

М. Ю. Лермонтов — «Ашик-Кериб». Для детей младшего возраста. Иллюстрации художника В. Кошаченко.

Александр Иванч — «Приключения изобретения». Для старшего возраста. Издание третье, дополненное и исправленное. Рисунки В. Сурьянинова.

Дойбер Левин — «Федька». Для детей среднего и старшего возраста. Повесть из жизни гражданской войны. Гравюры на дереве, переплет и форзац художника Э. Булоговского.

К. Золотоголовый — «Книжка Лале». Выходит в серии «Школьная библиотека». Повесть из жизни эсперанто. Рисунки и обложка художника Г. Шевякова.

С. Михалков — «Пастух Михаил». Для младшего возраста. Рисунки А. Брея.

Творческий вечер Переца Маркиша

23 октября в клубе МГУ под председательством С. М. Михалова состоится творческий вечер Переца Маркиша. Поэт прочтет отрывки из поэм «Смерть кулака» и «Население» и из своей новой пьесы «Пир». Переводы произведений Маркиша прочтет поэтесса Л. Русецкая. Вступительное слово сделает Н. Усенов.

Вечер примет участие артистка Гусет В. Зускин, Л. Ромм, С. Ротман, М. Штейнман, которые покажут сцены из пьесы «Семья Эвалис», мастер художественного слова Эм. Каминка и другие.

Несколько комическое и вместе с тем мучительное впечатление производит сильная статуя Гоголя в проекте В. Б. Пинчука. Сидение устроено так, что Гоголю явно трудно на нем держаться, и он сползает с него вперед ногами. Но он не хочет обнаруживать этого и добивается своего неумеренным напряжением всего тела. Правая рука его почти судорожно прижата к телу, левая с зажатой в ней книгой упирается в камень. Можно себе представить, во сколько крат усилилось бы это впечатление на самом памятнике.

Скульптор А. А. Мануйлов и архитектор М. И. Гинцбург представили проект, оформленный с пышностью, граничащей с безвкусицей. Однако еще хуже то, что авторы проекта, воздвигнув на цилиндрическом постаменте фигуру Гоголя, совершенно забыли о нем ради нижней части пьедестала, вокруг которой они разместили призрачно из голговетских персонажей — безобразное, вульгарное сплетение уродливых, гиперболозированных, гротескных, неправдоподобных существ. К этому они свели по существу своего «Гоголя», повторив старую ошибку, против которой протестовал еще сам Гоголь. Нельзя изображать Чичикова со свинным рылом, потому что у самого Гоголя этот образ неумеренно сложнее и значительнее.

Нельзя делать Собакевича похожим на огромного старого, ожиревшего пса только по совокупности его фамилий. Нельзя придавать Плишкину черты пушкинского скульптора рыцаря, потому что это два совершенно разных образа, и т. д. Проект Мануйлова и Гинцбурга антиреалистичен, и в этом его главный грех.

Остается последний проект, принадлежащий заслуженному деятелю искусств М. Г. Манизеру. Как и в охарактеризованных уже проектах, проблема новой пластической трактовки голговетской темы в работе М. Г. Манизера не поставлена. Но ее выгодно отличают от других настоящих монументальных форм, строгий вкус, четкая композиция. Неслучайно это все же единственный проект, перед которым посетитель выставки задерживается несколько больше обыкновенного.

Но отдельные достоинства манизеровской работы бесцельны прикрыть общую неудачу конкурса. Советская скульптура своего первого «гоголевского» экзамена не выдержала.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛЮБИЩЕВ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

М. ГЕЛЬФАНД

Неудачный конкурс

О проектах нового памятника Н. В. Гоголю

Совсем не обязательно быть анатомом искусства для того, чтобы уловить отличительную особенность этой выставки, размещенной в залах Горьковского музея. Слово объединенные как-то молчаливым соглашением, авторы всех девяти проектов упорно игнорируют образ того, кому, казалось бы, посвящена в первую очередь их работа, т. е. образ самого Гоголя.

Однако не слишком ли парадоксально звучит это утверждение? Статуя Гоголя исправно увековечивает все макеты. Вокруг, на отдельных подставках, возвышаются эскизы головы и различные варианты главной фигуры. Короче, здесь налицо все, чему полагается быть на таких выставках. Но Гоголя здесь нет. Авторы проектов либо не потрудились, либо попросту оказались бессильными пред'явить свою собственную, разработанную и обоснованную трактовку главного скульптурного образа, от того или иного истолкования которого должно зависеть все остальное в монументе. Здесь это элементарное требование поставлено на-голову. Здесь можно найти все что угодно, кроме появившейся той творческой истины, что без настоящей творческой разработки главной фигуры любой монумент превращается в формалистическую бессмыслицу, как бы реалистически ни были выполнены отдельные куски композиции. Я бы сказал, что во всех проектах образ Гоголя нивелирован по сути дела до уровня простой детали. Это всего лишь самая крупная, наиболее высоко расположенная деталь монумента — и только.

А между тем у каждого советского скульптора, проектирующего памятник Гоголю, есть серьезный соперник. Я говорю об андреевском «Гоголе» на Гоголевском бульваре в Москве. В оценке чисто идейной стороны этого памятника не может быть двух мнений: это не наш Гоголь, потому что это Гоголь не настоящий, но подлинный, не исторический, потому что в андреевском монументе реальный образ великого писателя принесен в

жертву узко-субъективному замыслу скульптора, его пессимизму, его печальному взгляду на мир и человека.

Вы, конечно, припоминаете, какой бесконечной скорбью, каким безразличным одиночеством веет от фигуры присевшего отдохнуть Гоголя. Он страшно устал, и неизвестно даже, хватил ли у него сил, чтобы подняться и продолжать свой путь. Обнаженная голова бессильно свесилась на грудь, глубокие тени легли на лицо, — точно провалы, в которых навсегда поселилась тоска. Тяжелые складки одежды совершенно скрывают от взгляда острия и мускулы сильного человека, сползающее набок лицо, и только глаза, и только глаза еще продолжают мучительная агония мысли. Нет, андреевскому Гоголю не подольется больше со своего места. Он раздался, он побежден в неравной схватке с невыносимым, с чудовищными противоречиями, порожденными его же собственным творчеством. Мрак окутывает статую, смерть стоит у нее за плечами.

Таков Гоголь в истолковании скульптора Андреева. Из сложнейшего комплекса жизни и творчества Гоголя автор памятника выдвинул трагический исход этой жизни и сделал его единственной темой своего произведения. В чем заключалась финальная драма Гоголя — известно. Правда о России, рассказанная Гоголем-художником, пришла в острый конфликт с политическим незрелым сознанием Гоголя-гражданина. В этой борьбе он надорвался и пал. Но, своя целиком всю голговетскую тему к этому трагическому финалу, Андреев самой трагедии не показывает. Трагедия уже пошла, борьба окончена, Гоголь повернулся назад, и Андреев остается лишь зрелище полнейшей бессиленности. Беззащитность — вот истинная философия и действительная тема андреевского монумента. Вряд ли стоит особенно доказывать, что эта философия и эта тема не имеют ничего общего с реальным, историческим Гоголем.

Самое собой разумеется, что монумент, проникнутый столь реакционной мыслью, мог сохраниться в социалистической Москве лишь до поры, до времени, за немалым более подлинного памятника. Однако, почему я назвал андреевского «Го-

голя» серьезным соперником советских скульпторов? По той причине, что это — работа превосходного мастера, который, labora восточного образа самого Гоголя, сумел — пусть несколько абстрактно и чересчур обобщенно — но все же с необычайной экспрессией, глубиной и законностью передать настроение, окрашивающее его замысел. Этим он эстетически укрепил и вооружил глубоко реакционный идейный смысл монумента. Задача советской скульптуры состоит, следовательно, не только в том, чтобы заменить андреевский монумент, но и опровергнуть его идейно и эстетически.

К сожалению, такое понимание задачи не в какой мере не отразилось в выставленных проектах. Вся выставка с полной убедительностью свидетельствует, что ни один из авторов не задумался над исключительной, из ряда вон выходящей ролью голговетского творчества и всего русского реализма в подготовке российских революций XX века. Никто из них не задумался над образом Гоголя-реалиста, каким он встает из его произведений, — смеялся, невероятно проинтересным, пытливым, беспощадным, дерзко-насмешливым и одновременно печальным наблюдателем русской жизни, ее неутомимым исследователем и изображателем, навсказ проинтересным сознанием своей высокой миссии и огромной ответственности перед племенем и нежно любимой страной.

Нет, не эти «категории» литературы и жизни мыслили авторы проектов. Они мыслили, главным образом, известными уже скульптурными и живописными изображениями Гоголя, удобными графическими, готовыми композиционными схемами, различными «манерами» оформления материала. Войдите в зал и убедитесь в этом, начав хотя бы с проекта скульптора А. Е. Зеленского. Что это такое? Вся композиция расположена по диагонали слева направо. В левом переднем углу — некая пара (некто мальчик с девочкой, некто женщина с девочкой), в центре — постамент со статуей Гоголя, в правом заднем углу — дерево, похожее на тополь и на кипарис. Гоголь, надвигавшийся и странная широкая одежда, склонился к молодой чете, некто благословляя, некто на-